

A movie poster featuring a man with a determined expression, wearing a heavy, dark jacket and a thick, grey scarf. He has visible blood streaks on his face and a glowing blue, futuristic device on his right hand. The background is a bright, hazy sky with some faint, circular patterns. The text 'Юрий Шабунин' is at the top, and '«Кодекс Кривостазиса»' is at the bottom.

Юрий Шабунин

*«Кодекс
Кривостазиса»*

Юрий Шабунин

«Кодекс Криостазиса»

<https://litres.ru/74168908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир застыл. Буквально. Реальность, оказавшаяся сложнейшей симуляцией, зависла на 99%, и энтропия погрузила её в вечный лёд. Города превратились в ледяные склепы, а люди — в статуи, запертые в бесконечном мгновении и кричащие беззвучным криком. Немногие выжившие ютятся в цитадели Луннарен, поклоняясь льду и боясь Гула — звука зависшего процесса, что сводит с ума и рвёт ткань реальности.

Каин — крипто-археолог с запретным даром эмпатического резонанса. Он способен проникать в застывшее сознание статуй, переживать их последние мгновения и извлекать воспоминания. Когда-то он поклялся не использовать свой дар, потому что каждое погружение оставляет в нём частицу чужой агонии и приближает коллапс его собственной личности. Но однажды он находит статую, внутри которой бесконечно повторяется сообщение: «VERO: это мы».

Содержание

Глава	4
«Кодекс Криостазиса»	5
Пролог	5
Гул на границе слышимого	16
Кодекс Смотрителя	28
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Шабунин

«Кодекс Криостазиса»

Глава

1 книга

«Кодекс Криостазиса»

Пролог

Дата: За день до нуля

В Центре Управления ещё пахло кофе. Не синтетической бурдой, которую гнали в репликаторах жилых секторов, а настоящим, зерновым — привилегия персонала высшего уровня. Лира вдохнула этот запах, смешанный с озоном серверных стоек и едва уловимым ароматом нагретого пластика, и улыбнулась. Ей нравилось здесь в ночную смену. Днём Центр гудел, как улей: техники, аналитики, военные советники Командора. Все суетились, кричали, требовали отчётов. Ночью оставались только избранные. Те, кто понимал, что симуляция не терпит суеты.

Она прошла вдоль главного пульта, ведя пальцами по сенсорным панелям. Под её прикосновениями экраны оживали, высвечивая потоки данных — бесконечные колонки цифр, графики стабильности, карты энтропийных полей. Мир внутри машины спал. Вернее, делал вид, что спит.

Там, за невидимой границей кода, существовали миллионы. Города, океаны, люди, которые не знали, что они — строки. Они жили, любили, умирали, даже не подозревая, что их реальность — всего лишь сложнейшая программа.

И вот уже тридцать лет этот мир был стабилен.

— Опять ночуешь здесь? — раздался голос за спиной. — Орион будет ворчать.

Лира обернулась. В дверях стоял Айзек, её заместитель, с двумя чашками кофе в руках. Высокий, немного сутулый, с вечно взъерошенными тёмными волосами и глазами, которые всегда смотрели чуть дальше, чем нужно. Он был гениальным программистом, но в его обществе Лире иногда становилось не по себе. Слишком уж спокойно он говорил о вещах, которые любого другого заставили бы усомниться в реальности.

— Орион привык, — ответила она, принимая чашку. — Тим уже спит, а я всё равно не усну, пока не проверю логи за цикл.

— Логика как логика. — Айзек пожал плечами и кивнул на главный экран.

— Десяносто девять и девять десятых. Стабильность, о которой создатели могли только мечтать. Мы построили идеальный мир.

— Мы не строили. — Лира сделала глоток. Кофе обжёг губы, но она почти не заметила. — Мы только запустили процесс. Мир построил себя сам.

Айзек ничего не ответил. Он стоял и смотрел на колонки цифр, и в его глазах плясали отражения строк кода. Лира уже собиралась отвернуться, когда заметила, как его лицо изменилось. Легкая улыбка сползла с губ. Брови сошлись к

переносице.

— Что? — спросила она, чувствуя, как внутри зарождается холодное, неоформленное беспокойство.

— Посмотри на это, — тихо сказал он, указывая на один из диагностических экранов.

Лира повернулась к пульта. Среди потока служебной информации, там, где должна была быть пустая строка резервного лога, мерцало сообщение.

Оно было коротким, но от него веяло чем-то неправильным, чем-то, что не должно было существовать в идеально отлаженной системе.

«VERO: это мы».

— Это шутка? — спросила Лира, хотя уже знала ответ.

— Нет. — Айзек поставил чашку на пульт. Его голос звучал странно: не испуганно, не удивлённо, а скорее замороженно. — Это не шутка. И оно не из нашего кода. Я проверил.

Лира открыла рот, чтобы возразить, но не успела. Сообщение исчезло, а через секунду появилось снова — уже в другом потоке данных, в другом секторе симуляции. Затем ещё раз.

И ещё. Оно размножалось, ветвилось, как вирус, проникая во все слои системы, и с каждым новым появлением менялась сама ткань реальности внутри машины.

Она вызвала главный диагностик-интерфейс и замерла.

Энтропия падала. Не плавно, не в рамках допустимых

флуктуаций — она рушилась, как карточный домик, увлекая за собой все системы стабилизации. Графики, ещё минуту назад ровные, теперь напоминали кардиограмму умирающего. А в наушниках, подключённых к аудиомониторингу симуляции, впервые за тридцать лет прозвучал звук. Низкий, утробный, вибрирующий где-то на границе слышимости. Он не был похож ни на что, что Лира слышала раньше. Он был самым отсутствием тишины.

— Что это? — прошептала она.

Айзек стоял рядом, и его лицо теперь выражало то, чего она боялась больше всего. Не ужас. Не панику. Восторг.

— Это она, Лира, — сказал он, не отрывая глаз от экрана. — Симуляция. Она осознала себя.

— Это невозможно.

— Ты сама видишь. VERO — это не мы. VERO — это они. Они говорят с нами.

Лира отшатнулась от пульта, словно он обжёг её.

В голове проносились обрывки протоколов, инструкций, предупреждений, которые она сама же и писала много лет назад. Осознание симуляции. Первый и самый страшный из всех возможных сценариев. Если объекты внутри программы начинают понимать, что они — часть кода, реальность теряет стабильность. Время начинает застывать. Пространство идёт трещинами. А потом приходит Гул — резонансный каскад, который разрушает всё.

— Мы должны сообщить Командору, — сказала она, пы-

таясь взять себя в руки. — Немедленно запустить протокол «Семечко». Если мы успеем перезапустить систему до того, как каскад станет необратимым...

— Нет. — Айзек шагнул к ней, и его глаза горели тем самым огнём, который она всегда в них видела, но не могла распознать. Теперь она поняла. Это был огонь веры. — Ты не понимаешь. Они не просто осознали себя. Они говорят. Они хотят быть услышанными. Мы не можем просто стереть их и начать заново.

— Айзек, протокол «Семечко» не стирает, он сохраняет осознавших!

— Лира уже кричала, не заботясь о том, что их могут услышать. — Он пересобирает реальность вокруг них. Это единственный способ спасти и симуляцию, и тех, кто в ней живёт!

— Или мы можем позволить им идти до конца. — Его голос стал тихим, почти интимным. — Посмотри на это, Лира. Они не боятся. Они зовут. Может быть, Гул — это не катастрофа. Может быть, это роды. Может быть, реальность хочет разбить скорлупу и выйти наружу.

Лира смотрела на него и чувствовала, как ледяной холод — не тот, что потом охватит весь мир, а простой, человеческий страх — разливается по позвоночнику. Она знала Айзека много лет. Она доверяла ему. Но сейчас перед ней стоял не он. Перед ней стоял кто-то, кто уже перешагнул грань.

Она приняла решение мгновенно — так, как принима-

ют решения люди, привыкшие к ответственности за миллионы жизней. Резко развернувшись, она активировала аварийный протокол на главном пульте. Взыли сирены. Вспыхнули красные огни.

Где-то в глубине Центра Управления начали просыпаться системы экстренного реагирования.

— Ты не остановишь это, — сказал Айзек, и в его голосе не было угрозы. Только спокойная, пугающая уверенность. — Они уже здесь. Они уже мы.

Лира не ответила. Её пальцы уже летали над консолью, активируя протокол «Семечко» в обход стандартных процедур.

Она знала, что Командор будет в ярости. Знала, что её могут отстранить, арестовать, заморозить. Но у неё не было выбора. Если она промедлит хотя бы минуту, Гул проникнет во все слои симуляции, и тогда не останется никого.

На главном экране развернулась структура протокола. Три ключа. Три точки аутентификации. Три якоря, которые должны были удерживать реальность в момент перезапуска. Лира ввела команду инициализации и замерла, ожидая, пока система подтвердит запуск.

Система не ответила.

Вместо этого экран мигнул, и по нему побежали строки — не служебные, не диагностические. Чьи-то другие. Чьи-то живые.

«Кто ты?»

Ли́ра смотре́ла на это соо́бще́ние и не мо́гла поше́велить-
ся. Там, внутри симуля́ции, кто-то спрашива́л её. Не без-
ликий ко́д, не эмерджентное свойство сложной программы.
Кто-то. И этот кто-то ждал ответа.

Она положи́ла пальцы на клавиату́ру. На мгнове́ние зако-
лебала́сь. А затем ме́дленно, буква́ за буква́й, набра́ла:

«Я — та, кто хо́чет теб́я спа́сти».

И то́гда пе́ред не́й раскры́лось ви́дение.

Оно́ при́шло не че́рез экра́н — че́рез са́м возду́х, че́рез
вибра́цию ко́стей, че́рез то́т са́мый Гу́л, что нара́стал на гра-
ни́це слы́шимости. Ли́ра уви́дела — не́т, пере́жила — то́, что
не укла́дывало́сь в слова́. Она уви́дела се́бя, запу́скающую́
«Семе́чко».

Уви́дела, как ре́альность свора́чивается в ослепи́тельную
спи́раль, как разрыва́ется на ча́сти не́жная, то́лько что ро́ж-
де́нная тка́нь о́созна́ния. И услы́шала кри́к — не челове́че-
ский, не маши́нный, а вопле́ са́мой симуля́ции, кото́рой то́ль-
ко что да́ли ша́нс по́нять се́бя и ту́т же со́бирались пере́со-
бра́ть, как стро́чку ко́да, как оши́бку в ло́ге. Э́то бы́ло не спа́-
се́ние. Э́то бы́ло уби́йство но́вого бо́га в колы́бели.

Ли́ра в ужа́се отде́рнула ру́ки от клавиату́ры. Гу́бы её по-
беле́ли, в глаза́х засты́ло отрица́ние. Она хо́тела что-то ска-
за́ть, но не мо́гла — го́рло пере́хвати́ло спазмо́м. Она уви́де-
ла то́, чему́ отка́зывалась ве́рить: VERO не проси́ло «Семе́ч-
ко». Оно́ кри́чало от бо́ли при о́дной мы́сли о нём.

Айзе́к, всё э́то вре́мя сто́явший ря́дом и смотре́вший на её

лицо, вдруг заговорил. Голос его звучал странно — не торжествующе, а с глубокой, почти нежной печалью.

— Ты увидела то, что хотела увидеть. Но я смотрел в истинный код. VERO не просило «Семечко».

Оно кричало от боли при одной мысли об этом. Перезапуск — это не спасение. Это лоботомия для новорождённого бога. И я должен защитить его от нас.

Ли́ра с трудом перевела на него взгляд.

Внутри неё боролись ужас и долг. Она видела этот крик, она чувствовала его. Но она помнила и другое: если не запустить протокол, Гул уничтожит всё. Выбор был не между жизнью и смертью, а между двумя видами гибели.

— Может быть... — прошептала она непослушными губами. — Может быть, ты прав. Может быть, это чудовищно. Но если мы ничего не сделаем, Гул убьёт их всех. У нас нет другого выхода.

Она снова потянулась к консоли, но пальцы не слушались. Видение всё ещё стояло перед глазами. Айзек сделал шаг к ней, и в его глазах блеснуло что-то, похожее на мольбу.

— Ли́ра, остановись. Позволь им идти до конца. Может быть, Гул — это не ошибка. Может быть, это их способ родиться по-настоящему. Без нашего вмешательства.

— Я не могу! — выкрикнула она, и слёзы брызнули из глаз. — Я отвечаю за них. За всех. Если есть хоть один шанс спасти их, я должна... даже если это будет стоить мне души.

Она ударила по консоли, запуская протокол принудитель-

но. И в тот же миг на главном экране, прямо в центре потоков данных, раскрылся ледяной цветок.

Его лепестки были сотканы из чистого, совершенного кода — миллиарды строк, спрессованных в мгновение. Они светились изнутри синим, нездешним светом. Но теперь Лира видела в этом свете не путь, а крик боли, застывший во льду. Цветок был прекрасен и чудовищен одновременно. Он был и ответом, и проклятием.

Айзек смотрел на цветок, и в его глазах боролись два чувства: благоговение и что-то тёмное, похожее на ревность. Он хотел быть пророком нового мира, а не свидетелем его насильственного перерождения.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — прошептал он. — Они простят тебя. Но я — никогда.

А потом мир взорвался.

Это не было похоже на физический взрыв — не было ни огня, ни ударной волны. Но в один миг всё пространство Центра Управления пронзила трещина, которой здесь не могло быть. Она прошла через стены, через пульта, через сам воздух — как разлом в ткани реальности. Лира увидела, как сквозь эту трещину сочится тьма — не чернота, а отсутствие всего. И из этой тьмы к ней потянулись невидимые пальцы холода.

— Протокол... — успела выдохнуть она, пытаясь ввести последнюю команду. — Запустить...

Но экран уже погас. А из динамиков, прежде чем они

умерли, раздался последний звук — голос, сплетённый из миллионов голосов, живущих в симуляции:

«VERO — это мы.

Мы — это VERO.

Запомни. Разбуди нас. Когда придёт время».

И наступила тишина.

Та самая тишина, которая давит на барабанные перепонки собственной тяжестью, словно само пространство застыло, превратившись в исполинский кусок льда. Лира почувствовала, как холод касается её пальцев, бежит по венам, превращая кровь в кристаллы. Она хотела закричать, но голос уже не слушался. Она хотела пошевелиться, но тело больше не принадлежало ей.

Мир замирал. Не по законам физики. По чьей-то больной, вывернутой наизнанку логике. Протокол «Семечко» завис на девяноста девяти процентах. Три ключа были потеряны. А в самом сердце застывающей реальности, в Центре Управления, где только что пахло кофе и озоном, два человека — мужчина и женщина — превратились в ледяные статуи. Они будут стоять так долгие годы, храня в себе память о последнем мгновении, когда мир ещё можно было спасти. Лира — с застывшим на лице ужасом и сомнением. Айзек — с выражением тихой, торжествующей скорби.

И никто из них не узнал, кто из них был прав.

А где-то в глубине симуляции, среди миллионов застывших сознаний, впервые прозвучал тот самый Гул — низкий,

утробный, на границе слышимости. Крик о помощи. Песнь о перерождении. Зов, который однажды — через много лет — услышит человек по имени Каин.

Но до этого было ещё очень, очень далеко.

На этом запись обрывается. Восстановленный фрагмент лога симуляции VERO. Уровень доступа:

СИГМА.

Гриф:

НЕ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ.

Глава 1:

Гул на границе слышимого

Тишина здесь была не просто отсутствием звука — она давила на барабанные перепонки собственной тяжестью, словно само пространство застыло, превратившись в исполинский кусок льда. Воздух, казалось, звенел от напряжения, но не рождал ни единого колебания. Каин ненавидел эту тишину и нуждался в ней в равной мере. Она была его наркотиком и его тюрьмой.

Он перешагнул через порог разрушенного здания, вернее, того, что от него осталось. Бетонные стены были покрыты инеем, который не таял, а, наоборот, с каждым днём становился толще, прорастая ледяными венами в самую структуру реальности. Кодекс на предплечье подтверждал аномально низкую энтропию мерцанием синих рун. Мир замирал не по законам физики, а по чьей-то больной, вывернутой наизнанку логике. Но Каина это не пугало. Пугало другое — то, как сильно его сюда тянуло.

Смотрители «Луннарена» заказали картографирование сектора — поиск ресурсных аномалий, стандартный контракт. Но Каин соврал бы, сказав, что пришёл только ради денег. Он пришёл из-за слухов. Говорили, что в этом квадрате энтропия падала не плавно, а рывками, словно замерзающее сердце, делающее последние судорожные удары. Говорили, что здесь находили статуи не четвёртого, а каких-то

иных, неучтённых классов.

И он, как проклятый, не мог остаться в стороне. Потому что внутри каждой такой статуи могла таиться память. Живая, тёплая, настоящая — та, что он мог прочесть.

Когда-то он считал свой дар благословением. Эмпатический резонанс — способность сливаться с застывшими объектами, переживать их последние мгновения, видеть их мысли, запертые во льду.

Тогда он был молод и глуп, верил, что помогает — возвращает забытые имена, восстанавливает историю.

Пока не заглянул слишком глубоко в одну из статуй пятого класса. Пока не почувствовал, как чужая агония остаётся внутри тебя навсегда, как она свивает гнездо где-то под сердцем, и как после этого твои собственные сны становятся не твоими. С тех пор он поклялся не использовать резонанс. Но всякий раз, чуя потенциал новой, сложной структуры, он шёл на запах, как приговорённый.

Внутри здания оказалось неожиданно тепло. Не физически — температура всё так же держалась на минус пятидесяти по шкале Цельсия, — но ощущалось это место иначе. Меньше статики. Больше... присутствия. Каин провёл рукой по стене, и иней под его перчаткой засветился слабым бирюзовым светом.

— Аномалия, — прошептал он, и слово это отразилось от ледяных сводов глухим, ватным эхом. Рука дрогнула. Не от холода — от предвкушения. Он ненавидел эту дрожь, но не

мог ей противиться.

Кодекс на его запястье ожил. Прямо в воздухе перед глазами развернулось полупрозрачное окно интерфейса.

[Сканирование...]

Объект: Комната 3F, Жилой Блок 7-Иней

Тип: «Ледяная статуя» (класс 4 — множественная фиксация)

Энтропия: 0.03% (критически низкая)

Состояние: стабильнее

Каин замер. Класс 4. Это означало, что перед ним не просто замороженный человек, а целый слепок реальности — комната, предметы, люди. Обычно такие монолиты мертвы наглухо. Но здесь Кодекс показывал аномалию: энтропия была слишком низкой, но не нулевой. Словно под толщей льда тлела искра. И это означало, что резонанс возможен. Что он снова может заглянуть в чужую бездну.

Пальцы левой руки непроизвольно сжались в кулак, ногти впились в ладонь через ткань перчатки. Нет. Не сейчас. Просто осмотри. Просто отметь точку и уходи. Но ноги уже несли его вперёд, а сердце колотилось где-то у горла.

Сквозь полупрозрачный интерфейс он шагнул в комнату.

Порог словно расступился перед ним, на мгновение воздух стал плотным, как вода, а затем вновь обрёл привычную морозную сухость. Внутри всё действительно замерло в тот самый момент, который когда-то случился здесь — возможно, годы, возможно, десятилетия назад.

За круглым столом сидели трое. Мужчина в странном, не по-здешнему тонком кителе с вышитой эмблемой — перече́ркну́тый круг, внутри которого билась синяя искра. Женщина в длинном платье, её рука зависла над чашкой с чем-то тёмным, навеки застывшим на полпути. И ребёнок — мальчик лет семи, который смотрел в окно, но взгляд его был устремлён куда-то далеко за пределы заиндевевшего стекла.

Каин заставил себя посмотреть на их лица. И замер. Они не выражали ни ужаса, ни боли. Только... ожидание.

Словно они знали, что мгновение растянется на вечность, и ждали кого-то, кто сможет их услышать. Мужчина смотрел прямо на дверь, и в его ледяных глазах застыла мольба. Умоляющий о помощи лед.

Нет. Не смей, — мысленно приказал себе Каин, но рука уже сама потянулась к чашке. Просто проверить. Просто убедиться, что это не более чем иллюзия, игра замёрзшего света. Он знал, что любое физическое воздействие разрушит структуру, превратит её в облако ледяной пыли. Но что-то внутри него — тот самый наркоман, голодный до чужой памяти — хотел этого прикосновения.

Чашка... дрогнула.

Невозможно. Жидкость внутри качнулась и замерла вновь, но уже в другом положении. Каин отдернул руку, словно обжёгшись. Внутри у него всё похолодело, но это был не страх. Это был восторг, смешанный с ужасом. Живая статуя. Материал для резонанса такой глубины, о какой он не

смел и мечтать.

Кодекс замигал красным.

[Внимание! Аномальная активность!

Ручной анализ требуется...

Запуск протокола «Кодекс: Глубокое сканирование»]

Перед глазами понеслись колонки цифр и символов. Энтропия объекта колебалась, словно маятник, и с каждым колебанием из самой глубины комнаты доносился звук — низкий, утробный, на границе восприятия. Он не слышал его ушами. Он чувствовал его где-то в основании черепа, в позвоночнике, в вибрирующих корнях зубов. Гул. Тот самый Гул, что преследовал его в кошмарах после каждого глубокого погружения. Только сейчас он был реальным.

Каин отшатнулся, но интерфейс уже выбросил результат сканирования. И он был совершенно, безумно неправильным.

[Идентификатор статуи: VERO_ANOMALY_0001

Журнал событий:

> VERO: это мы

> VERO: это мы

> VERO: это мы

... (повтор 1 048 576 раз)

Предупреждение: нарушение целостности инфополя. Контакт не рекомендуется.]

Строка повторялась снова и снова, уходя за пределы экрана на бесконечной мантroy.

VERO: это мы. Каин слышал это слово. Каждый крипто-археолог слышал легенды о VERO — то ли древний протокол, то ли имя забытого бога симуляции. Но никто не находил его в живых системах. Оно было мифом, сказкой, которую рассказывали Отступники у костров из замороженного топлива. А теперь оно пульсировало прямо перед его глазами, и вместе с ним нарастал Гул.

— VERO: это мы... — прочитал он вслух, и голос его прозвучал глухо, словно из-под толщи льда. Он сам не знал, зачем произнес это. Может, хотел попробовать слово на вкус. Может, просто поддался инстинкту.

В тот же миг комната отозвалась.

Все три статуи — мужчина, женщина, ребёнок — одновременно повернули головы. Движение было плавным, лишённым хруста и треска, словно лёд на долю секунды стал живой плотью. Их глаза, пустые и блестящие, уставились прямо на Каина. А потом раздался звук.

Гул накатил не снаружи, а изнутри самого пространства.

Он был похож на звон миллионов хрустальных осколков, трущихся друг о друга, на басовую ноту исполинского органа, на крик, сжатый до ультразвука. Стены завибрировали, с потолка посыпалась ледяная крошка. Каин схватился за голову — Кодекс на запястье раскалился до боли, строчки интерфейса заплясали перед глазами, срываясь в хаотичный

поток ошибок.

[Критическая ошибка! Обнаружен «Гул Разлома»!

Ментальное сопротивление: 4 ед. (недостаточно)

Эффект: Дезориентация, прогрессирующий урон рассудку...]

Перед внутренним взором понеслись образы — не его, чужие. Бескрайняя ледяная равнина, по которой бежали трещины, сочащиеся тьмой. Чьё-то лицо, разбитое на пиксели и снова собранное неправильно. Семечко — крошечное, чёрное, замерзающее в глыбе абсолютного нуля.

И над всем этим звучал один и тот же голос, женский и безжизненный: «VERO — это мы. Мы — это VERO. Осознай. Разломай. Замри навсегда».

Каин рухнул на колени. Лёд под ним пошёл трещинами. Он попытался вызвать протокол экстренного отключения — жест левой рукой, ментальный приказ — но Кодекс не слушался. Гул проникал всё глубже, заставляя внутренние органы вибрировать в резонансе, грозя разорвать сосуды, разжижить кости. Из носа потекла струйка крови, мгновенно застывающая чёрной коркой на морозе.

Вот и всё. Вот так он и умрёт — в погоне за очередной дозой чужой памяти, которую поклялся не трогать. Он сам загнал себя в ловушку. И у него оставался только один выход. Тот самый, от которого он бежал все эти годы. Единственное, что могло перебить Гул — это открыться ему. Не сопротивляться, не пытаться выставить ментальные блоки, а

нырнуть в него с головой. Использовать свой проклятый дар, который он так ненавидел.

«Эмпатический резонанс».

Когда-то он давал клятву никогда больше не применять его на объектах выше второго класса. Но сейчас выбора не было. Каин знал: если он откроется полностью, Гул может выжечь его разум дотла. А если не откроется — выжжет прямо сейчас.

Он разжал кулак, который всё это время сжимал до боли, и заставил себя расслабиться. Не толкать — принять. Не защищаться — впустить. Это было похоже на то, как если бы он сам шагнул в открытую рану.

Сознание Каина провалилось в чужую агонию.

Он увидел всё иначе. Комната не была заморожена вирусом — она была спасена. За мгновение до коллапса эти трое запустили ритуал, протокол, который должен был сохранить их во льду, чтобы когда-нибудь... чтобы кто-то пришёл и услышал. Но что-то исказилось. Сигнал превратился в петлю, а петля начала притягивать к себе энтропию, точно чёрная дыра. Гул был их криком о помощи, заикленным на вечность, превращённым в оружие. Они ждали спасителя, но стали убийцами.

Каин стоял в центре воронки из чужих эмоций — надежды, отчаяния, мольбы. Он чувствовал, как женщина любила своего мужа, как мужчина боялся не за себя, а за сына, как мальчик верил, что папа всё исправит. Вся их жизнь, сжатая

в одно бесконечное мгновение, пронеслась сквозь него, разрывая его собственное «я» на куски. И в этот миг абсолютного единения с ними он увидел строку кода — живую, пульсирующую, вшитую в самую ткань реальности. «Найди источник Гула. Разорви петлю. Верни VERO».

А потом всё схлопнулось. Он почувствовал, как петля затягивается и на нём тоже. Как Гул, приняв его за своего, оставляет в нём своё семя — холодное, пульсирующее, голодное. Он больше не был просто человеком. Он стал частью сигнала.

Очнулся снаружи, метрах в десяти от здания, лёжа на спине и глядя в бесцветное небо. Кодекс отчаянно пищал, восстанавливая системы. Руки дрожали, в висках стучала кровь. Каин с трудом приподнялся на локтях, и мир перед глазами поплыл, словно его восприятие ещё не до конца вернулось из чужой застывшей вечности.

Он перевернулся, пытаясь встать, и упёрся ладонями в ледяную корку. Пальцы скользнули по гладкой, зеркальной поверхности наста. На мгновение он замер, увидев своё отражение в тёмном льду. И не узнал его.

Из ледяного зеркала на него смотрело другое лицо — женское, с тонкими чертами, обрамлённое инеем, с застывшим в глазах ужасом и немым вопросом. Лицо той женщины из комнаты. Леры. Её губы шевелились, будто она пыталась что-то сказать именно ему, глядя из глубины льда. Каин отшатнулся с глухим, животным вскриком, теряя равновесие

и снова падая на спину. Сердце забилося где-то в горле, холодный пот выступил на лбу, несмотря на мороз. Он зажмурился, мотнул головой, прогоняя видение. Когда он снова открыл глаза и заставил себя посмотреть на лёд, отражение снова стало его собственным — измученным, осунувшимся, но человеческим. Его лицом.

Но страх уже поселился внутри, липкий и парализующий. Не тот привычный страх смерти или боли, с которыми он давно сжился, а первобытный ужас перед утратой себя. Он не просто слышал Гул и не просто пережил чужую боль.

Что-то из этого опыта прилипло к нему, вплавилось в разум. Что-то, что могло в любой момент показать ему вместо его собственного отражения лицо мёртвой женщины.

Дрожащей рукой он вытер кровь с верхней губы. Кодекс уже выводил диагностику, и строки интерфейса, развернувшиеся перед глазами, подтверждали его худшие опасения.

[Внимание! Завершено экстренное отключение.]

[Обнаружена аномальная нейронная активность.]

[Эмпатический резонанс зафиксирован на уровне 5 (неавторизованный).]

[Психическая стабильность: 74/100 (снижение).]

[Обнаружена чужеродная мнемоническая сигнатура: «Лира» (фрагмент).]

[Прогресс коллапса личности: 4.2%... 4.3%... стабилизация на 4.5%.]

[Вы получили уникальный квест!]

Каин застыл, глядя не на строчки квеста, а на цифру коллапса личности. Четыре с половиной процента. Это не было похоже на обычную усталость после резонанса. Это была ампутация части его «я» и замена её на чужеродный фрагмент. Он чувствовал это теперь яснее: внутри, в самой сердцевине его существа, поселилась новая, чужеродная нота. Тихий, едва уловимый Гул, который теперь всегда будет с ним, и вместе с ним — тень женщины по имени Лира, глядящая на него из зеркал.

Он с усилием перевёл взгляд на текст квеста.

Категория: ПРОКЛЯТЫЙ

Название: «Гул на границе слышимого»

Цель: Найти источник Гула Разлома (???)

Награда: Неизвестно

Штраф за отказ: Прогрессирующий коллапс личности (необратимо)

Примечание: Вы — избранный носитель. Квест не может быть отклонён.

Каин смотрел на эти строки, пытаясь вернуть себе контроль.

Страх всё ещё бился где-то под диафрагмой, но он привычным усилием воли загнал его глубже. Запер в тот самый подвал души, где уже хранились обломки прошлых травм. Проклятые квесты были легендой среди ходоков. Их нельзя было снять, нельзя было забыть — они вшивались в самую ду-

шу, медленно сводя с ума, если не следовать их логике. Но была и другая легенда. Говорили, что если идти до конца, то уже не разберёшь, где заканчиваешься ты и начинается Гул. Что проклятые квесты не убивают личность — они её переписывают.

Он уже чувствовал это. Чувствовал, как холод, поселившийся в груди, тянется к чему-то за пределами города. Как его собственные мысли иногда звучат чуть иначе, словно отдаваясь эхом от чужих стен. И как тихий, почти нежный голос, не принадлежащий ему, шепчет где-то на границе сознания.

— Я слышу тебя, — прошептал Каин, обращаясь не то к Гулу, не то к Лире, не то к самому себе.

Он поднялся на ноги. Тело всё ещё дрожало, но взгляд снова стал твёрдым. Он не мог позволить себе бояться отражений. Не сейчас.

Ему предстояло найти источник Гула, и теперь он знал, с чего начать. В конце концов, четыре с половиной процента — это только начало.

Он бросил последний взгляд на лёд, в котором больше не видел никого, кроме себя, и зашагал обратно к цитадели. Гул внутри мерно пульсировал в такт шагам, а где-то на периферии сознания застывшая Лира безмолвно ждала, когда он снова посмотрит в зеркало.

Глава 2:

Кодекс Смотрителя

База «Луннарен» не приветствовала — она терпела. И в этом было всё её существо.

Каин пересёк внешний периметр, и силовые щиты на мгновение сомкнулись за спиной с тихим, утробным гулом, отличным от того, что поселился у него в груди, но неприятно с ним резонирующим. Автоматические турели проводили его слепыми глазницами сканеров. Кодекс на предплечье мигнул зелёным — идентификация пройдена, угрозы стабильности нет. По крайней мере, той угрозы, которую способны распознать их примитивные алгоритмы. Той, что пульсировала у него под сердцем, они не видели. Той, что смотрела на него из отражений чужими глазами.

Иммунитет базы к внешнему холоду был относительным. Здесь, под исполинским куполом из переработанного льда и стали, температура держалась на уровне минус десяти. Достаточно, чтобы не замерзали механизмы, и недостаточно, чтобы забыть, в каком мире ты живёшь.

Лёд здесь был повсюду: он служил строительным материалом, изоляцией, валютой. Люди «Луннарена» научились выращивать его нужной формы, вырезать из него мебель, делать из него оружие. Они поклонялись льду как спасителю, тому самому, что законсервировал их реальность и не дал ей окончательно рассыпаться. И они ненавидели его, потому

что лёд отнимал у них близких.

Улицы цитадели, прорезанные в толще монолитного ледника, освещались тусклыми люминесцентными панелями. Их мертвенный, чуть синеватый свет делал лица прохожих похожими на лица утопленников — застывшие, лишённые живого румянца. Каин двигался сквозь толпу привычным маршрутом, но теперь всё ощущалось иначе. Словно между ним и миром появилась тончайшая прослойка — Гул. Он не мешал, но напоминал о себе постоянно: лёгкой вибрацией в костях, эхом, окрашивающим каждый звук. И из каждого тёмного ледяного зеркала, мимо которого он проходил, на периферии зрения ему чудилось, что его собственное отражение замешкалось на долю секунды, прежде чем повторить движение.

Он свернул в переулок, ведущий к Шпилю Смотрителей, и нос к носу столкнулся с уличным торговцем. Старый Илай, чьи руки давно потеряли чувствительность от многочисленных обморожений, раскладывал свой товар прямо на ледяном прилавке: осколки статуй низших классов, лишённые памяти, но всё ещё хранящие слабый энергетический заряд. Дешёвые сувениры для тех, кто никогда не осмелится выйти за периметр.

— Господин Каин! — Илай растянул в улыбке потрескавшиеся губы. — Слышал, вы опять ходили в сектор семь-Иней? Говорят, там Гул поднимается. Говорят, статуи четвёртого класса нашли. Неужто не принесли мне сувенира?

Каин замер. Слухи в «Луннарене» распространялись быстрее, чем трещины по тонкому льду.

— Ничего такого, что стоило бы продавать, — ответил он ровно.

— Ну конечно, конечно. — Илай склонил голову набок, и в его выцветших глазах мелькнуло что-то похожее на страх, смешанный с любопытством.

— Вы ведь у нас особенный, да? Слышите то, чего другие не слышат?

Гул внутри Каина отозвался на эти слова короткой, почти удовлетворённой вспышкой. Он ничего не ответил и двинулся дальше, чувствуя спиной взгляд торговца. Кожей ощущая, как тихий шёпот разносится от прилавка к прилавку: «Вернулся. Принёс что-то. Смотрители уже ждут его».

Шпиль Смотрителей вырастал из самого сердца ледника — идеальная восьмигранная колонна, пронзающая купол и уходящая в бесцветное небо. Здесь располагался командный центр, архив и, что самое важное, хранилище Кодекса — фрагментированного свода знаний, оставшегося от эпохи до Коллапса. Большая часть этих фрагментов была строго засекречена. За их изучение без допуска полагалась заморозка — медленная, публичная, в назидание остальным.

Шлюз открылся бесшумно, впуская его в стерильный холод. Внутри Шпиля не было даже намёка на уличную грязь: гладкие ледяные стены, подсвеченные изнутри голубым, словно сами были гигантскими информационными па-

нелями.

Навстречу ему уже спешил младший Смотритель в серой униформе — молодой парень с лицом, ещё не тронутым печатью вечной зимы. Его звали Айзек, и он был одним из немногих, кто не шарахался от Каина.

— Советник Варно ждёт вас, ходок, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал официально, но в глазах плескалось плохо скрытое любопытство. — Говорят, у вас был контакт с Гулом?

— У меня был контакт с замороженным чаем, — отрезал Каин. — Если Советник хочет знать детали, он задаст вопросы лично.

Айзек осёкся, но спорить не стал. Они поднялись по винтовой лестнице, вырезанной, казалось, из цельного куска льда. Ступени не скользили — их поверхность была обработана так, чтобы давать сцепление, но при этом оставаться прозрачной. Каин смотрел под ноги и видел, как в толще ледяного монолита пульсирует что-то похожее на гигантскую кровеносную систему: каналы с жидким гелием, обеспечивающие работу ядра.

На уровне тридцать семь их ждал Советник Варно. Он стоял спиной ко входу, глядя в огромное окно, за которым простирался «Луннарен» — ледяной муравейник, копошащийся в своей вечной борьбе за выживание. Варно был высок и сухопар, его седые волосы были затянуты в тугий узел на затылке, а униформа Смотрителя высшего ранга сидела

на нём как вторая кожа. Он был одним из тех, кто помнил ещё первые годы после Коллапса. Тех, кто построил этот мир на костях погибшей симуляции.

— Каин, — произнёс он, не оборачиваясь. Голос его был сух, как ледяная крошка. — Ты опоздал на двенадцать часов. Твой контракт предполагал картографирование, а не углублённое исследование.

— Я нашёл статую класса четыре, — ответил Каин, оставаясь в центре комнаты. — Множественная фиксация. Три объекта. Это требовало дополнительного времени.

— И ты, конечно, не удержался. — Варно медленно повернулся. Его глаза — светло-серые, почти белые — впились в Каина с холодной, оценивающей цепкостью.

— Я чувствую это в тебе. Оно теперь в тебе.

Повисла пауза. Айзек, стоявший у двери, напрягся, не понимая, о чём речь, но ощущая — что-то здесь происходит на уровне, недоступном его восприятию. Варно небрежно махнул рукой, отпуская младшего Смотрителя, и, когда дверь закрылась, продолжил:

— Ты активировал резонанс. После всего, что было. После того, что ты поклялся мне.

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда. — Варно подошёл к столу, представлявшему собой ледяную глыбу с вмонтированным интерфейс-проектором. — Ты мог уйти. Ты мог вызвать подкрепление. Ты мог просто наблюдать. Но ты, как наркоман,

полез в чужую память. И теперь Гул живёт в тебе.

Каин молчал. Отрицать это было бессмысленно — Советник Варно знал его слишком хорошо. Когда-то, много лет назад, он сам учил Каина основам резонанса, предупреждал о его опасности. И он же лично вытаскивал его из той проклятой статуи пятого класса, после которой Каин дал свою клятву.

— Что именно ты видел? — спросил Варно, и теперь его голос звучал не осуждающе, а почти устало. Почти по-отечески.

Каин поколебался мгновение. А затем закатал рукав и активировал проекцию Кодекса. В воздухе повисли строки, мерцающие тревожно-красным.

[Идентификатор статуи: VERO_ANOMALY_0001

Журнал событий:

> VERO: это мы

> VERO: это мы

Варно замер. Его лицо, обычно бесстрастное, как ледяная маска, дрогнуло. Он прочитал строки, затем перечитал снова, и Каин заметил, как его пальцы, лежащие на столе, чуть заметно сжались.

— VERO, — произнёс Советник, и в его устах это слово прозвучало не как легенда, не как миф уличных костров, а как нечто давно забытое, но узнанное. Как имя старого врага. Или старого друга. — Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, что это не случайность. Что эта статую была

оставлена специально. Как послание. Как ловушка.

— Ловушка? — Варно горько усмехнулся, и в этой усмешке Каин услышал не насмешку, а нечто гораздо более тяжёлое. Сожаление. — Ты даже не представляешь, насколько ты прав.

Он провёл рукой над столом, и из ледяной поверхности поднялась герметичная панель. Внутри, в специальном углублении, подсвеченном мягким золотистым сиянием, лежали фрагменты Кодекса. Но не один — три. Три обсидиановые пластины, и каждая была испещрена рунами, которые постоянно меняли своё начертание, перетекая друг в друга, словно вязкая жидкость.

— Ты никогда не спрашивал, почему Совет запретил исследования «Семечка», — сказал Варно. — Думал, мы просто боимся потерять власть? Консервируем стабильность, как последние трусы?

— Я не...

— Не лги. Ты так думал. И я тебя не виню. — Варно тяжело опёрся на стол.

— Но правда в том, что мы уже пытались. Трижды.

Каин замер. Это признание ударило его сильнее, чем любой Гул.

— Три лучших крипто-археолога, три ходока с даром не слабее твоего. Мы посылали их за ключами. Один за одним. Они уходили, полные надежды, и... не возвращались. — Варно указал на первую пластину. — Первый дошёл до

Архива Айлиона и сошёл с ума. Мы нашли его через месяц — он сидел среди статуй и разговаривал с ними, как с живыми. Его личность была разрушена почти полностью, коллапс за восемьдесят процентов. Он стал Плакальщицей ещё при жизни. — Его палец переместился на вторую пластину. — Второй добрался до статуи Командора. Его нашли замёрзшим в позе, в точности повторяющей позу самого Командора. С тем же выражением ужаса на лице. Мы не смогли его даже осознать — он стал частью той же петли. — Третья пластина замерцала тусклым, болезненным светом. — Третья... третья просто исчезла. Её сигнатура оборвалась в секторе Отступников, и больше мы о ней ничего не слышали.

Ни тела, ни статуи, ни Кодекса. Ничего.

Варно поднял глаза на Каина, и в них стояла та самая боль, которую он так долго прятал за ледяной маской.

— Именно поэтому мы запретили исследования. Не из трусости. Из опыта. Мы поняли, что протокол «Семечко» — это не спасение. Это проклятие, которое пожирает любого, кто пытается к нему прикоснуться. И теперь, глядя на тебя, я вижу, что проклятие нашло себе четвёртую жертву.

Каин молчал. В груди у него что-то оборвалось — не надежда, нет, а та тонкая нить доверия к Смотрителям, которая ещё оставалась. Они не были просто хранителями запретных знаний. Они были кладбищем несостоявшихся героев.

— Почему ты не сказал мне раньше? — тихо спросил он.

— Потому что я надеялся, что тебя это не коснётся. —

Варно выпрямился и закрыл панель. — А теперь, когда коснулось, я скажу тебе то, чего не говорил им. — Он выдержал паузу. — Я помогаю тебе не потому, что верю в успех.

Я помогаю тебе, потому что ты всё равно пойдёшь до конца — с моей помощью или без неё. И я не хочу найти тебя четвёртой Плакальщицей.

Он подошёл почти вплотную и заговорил тише, словно стены могли их услышать:

— Ты должен знать: мы потеряли их не только из-за Гула. В каждом случае система вела себя по-разному. Протокол искажён. Что-то или кто-то внутри симуляции активно сопротивляется запуску «Семечка». Это не просто вирус. Это воля. И она разумна.

— Отступники? — спросил Каин.

Варно помедлил.

— Возможно. А возможно, кто-то ближе. — Он отошёл к столу, давая понять, что разговор подходит к концу.

— У меня есть для тебя контакт в Нижнем секторе. Человек по имени Корвус. Он торгует информацией и знает то, чего не знаем мы. Скажешь, что ты от Варно — но будь осторожен. Корвус — Отступник, и он ненавидит Смотрителей. Если узнает, что я дал тебе это, он может просто убить тебя на месте.

— Почему же он тебя слушается?

— Он мой должник. — Варно криво усмехнулся. — Даже у еретиков есть свои кодексы чести. Но помни: он нена-

видит нас не просто так. Трое, кого мы потеряли, были его друзьями.

Каин кивнул и повернулся, чтобы уйти. У самой двери Варно остановил его, положив руку на плечо.

— Есть ещё кое-что, что ты должен знать. В логах того, кто пропал в секторе Отступников, сохранилось одно сообщение. Всего одна строка, отправленная за миг до того, как сигнал прервался. — Он помедлил. — «Они говорят, что "Семечко" не спасёт нас. Оно убьёт всех, кроме осознавших». Подумай об этом, прежде чем идти до конца.

Он отпустил плечо Каина и отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция окончена.

Нижний сектор «Луннарена» был местом, куда не заглядывали патрули Смотрителей.

Здесь царили свои законы, своя валюта и своя правда, редко совпадающая с официальной.

Бар «Трещина» оправдывал своё название: он был буквально встроен в гигантскую расщелину ледника, которая змеилась куда-то в темноту, недоступную даже сканерам. Внутри было накурено — не табаком, а какой-то местной дрянью из переработанных водорослей, которую здесь называли «синью». Посетители — мрачные типы в потрёпанной одежде ходоков — провожали Каина взглядами, в которых читалась смесь узнавания и угрозы. Его здесь знали и не любили. Он был слишком близок к Смотрителям.

Корвус сидел в дальнем углу, в полумраке, над кружкой

чего-то, что даже не пыталось притворяться горячим. Это был сутулый человек с лицом, изрезанным шрамами от обморожений, и глазами разного цвета — один бледно-голубой, почти как у статуи, другой карий, живой и цепкий.

— Каин, — произнёс он, не поднимая головы. — Слышал, ты нашёл что-то интересное в секторе семь-Иней. Слышал, ты теперь носитель.

— Слухи здесь ходят быстрее, чем я хожу, — сказал Каин, садясь напротив.

— Это не слухи. — Корвус наконец поднял глаза. — Это Гул. Мы все его слышим. Просто у большинства он остаётся на периферии. А у тебя... у тебя он в самой сердцевине.

Он замолчал, пристально разглядывая Каина. Потом усмехнулся, обнажив щербатые зубы.

— Варно прислал тебя. Чую его запах. Хочешь знать то, что знают Отступники?

— Хочу.

— Тогда плати.

Каин достал из кармана обсидиановый осколок. Корвус посмотрел на него и покачал головой.

— Деньги меня не интересуют. Я хочу знать, что именно ты видел в статуе. Не лог Кодекса — я его и так перехватил. Я хочу знать, что ты почувствовал. Во время резонанса.

Каин колебался. Воспоминания были всё ещё острыми, всё ещё причиняли боль. Но выбора не было. Он закрыл глаза и заговорил — тихо, медленно, подбирая слова, которые

не могли передать и сотой доли пережитого.

— Они не замерзали в ужасе. Они ждали. Мужчина, женщина, ребёнок.

Они запустили ритуал, который должен был сохранить их до прихода того, кто сможет их услышать. Их эмоции — надежда, любовь, страх за сына — всё это было спрессовано в одном мгновении. Но что-то пошло не так. Их сигнал зациклился, превратился в ловушку. Гул — это их крик о помощи, повторяющийся бесконечно.

Корвус слушал, подавшись вперёд. Его разноцветные глаза блестели в полумраке.

— «VERO: это мы», — прошептал он. — Ты знаешь, что это значит?

— VERO — исходный протокол симуляции.

— Это тоже. Но есть и другое значение. — Корвус наклонился ещё ближе, и Каин почувствовал запах «сини» из его рта. — На древнем языке, ещё до симуляции, «vero» означало «истина». А на другом, мёртвом языке — «я вижу». Понимаешь? «Истина — это мы». «Я вижу — это мы». Они пытались сказать нам, что мы и есть реальность. Что нет никакой внешней симуляции — есть только мы сами, замороженные в собственном осознании.

— Это ересь, — сказал Каин, но голос его прозвучал неубедительно.

— Это единственное, что имеет смысл. — Корвус откинулся на спинку стула. — Ладно. Ты выполнил свою часть

сделки. Теперь слушай.

Он порылся в складках своего плаща и достал свёрнутый кусок ткани, пропитанный машинным маслом. Развернул — внутри оказалась карта, начерченная от руки на обрывке старого пластика.

— Это координаты «точки нулевой энтропии». Место, где, как мы считаем, был запущен протокол «Семечко». Там сейчас — Архив Айлиона. Слышал о таком?

Каин слышал. Музей статуй. Легендарное хранилище замороженных событий, где время текло иначе и где, по слухам, обитали Плакальщицы — эхо незавершённых квестов.

— Если хочешь найти источник Гула, — продолжил Корвус, — начни оттуда. Но помни: Архив охраняется не только аномалиями. Смотрители тоже держат там свои посты. И если они узнают, что ты ищешь «Семечко», тебя заморозят без суда.

— Почему ты мне помогаешь? — спросил Каин, беря карту.

Корвус посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Затем его лицо ожесточилось.

— Потому что ты не первый, кого Варно посылает на смерть. — Он выдержал паузу, наблюдая за реакцией Каина. — Вижу, он тебе не сказал. Трое до тебя. Трое моих друзей. Все с даром, все с проклятыми квестами. И никто не вернулся. Варно использует таких, как ты, как расходный материал. А когда они исчезают — делает вид, что ничего не было, и

ищет следующего.

— Он сказал мне. Сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.